

Вечерняя Москва № 294
гор. Москва. 1926 г. 20 декабря

Театр чтеца

выступает с «Есениным». На крохотной сцене разместились чтецы. Их восемнадцать. Они приняли «живописные» позы: кто полулежит, кто облокотился на спину соседа, кто задумчиво смотрит в потолок. Все это очень напоминает фотографии — «грустные»: сослужалки ли чествуют любимого начальника? гимназисты ли отметили торжественное событие перехода в старший класс? — фотографии эти всегда смешны. Но еще смешнее театр, подражающий убогому стилю этих фотографий.

«Есенин» смонтировал так: стихи поэта перемежаются с глубокомысленными критическими сентенциями. При этом, никто не произносит больше одного изречения. Театр очень демократичен: сентенции разделены поровну и произносятся по очереди. Это очень скучно. Кроме того каждый, произносящий сентенцию встает с своего места, говорит, потом переходит на другую сторону, чтобы принять там новую позу. Это уже нелепо. Получается бессмысленная толчея.

Когда читают стихи, обычный свет гасится, в дело пускаются прожекторы. Театр чтеца любит яркие цвета: фиолетовый, оранжевый, алый. Сноп света не только режет глаза слушателей, (простите, зрителей), но и превращает физиономии читающих в жуткие маски. Нечто трудообразное. Нужно же додуматься до такого «эффекта»!

О всех этих вульгарно-театральных повадках не стоило бы говорить, будь они только маленькой подробностью, закрываемой оным хорошим и сосредоточенным вниманием к слову. Вель ему должна быть отдана первая роль в театре чтеца. Слово здесь, казалось бы, должны лелеять и холить. Яркое, чистое, четкое слово ожидается здесь услышать. Ничего подобного! Не высоко стоит культура слова в театре чтеца. Не потому ли так охотно «переживают» здесь читающие, грубо и неуклюже подражая естественному театральному обыкновению. Подвываниями, придыханиями, материальным портят здесь слово. А жаль: слово очищенное от этого мусора, очищенное от этой лжи, слово освобожденное, простое — могло бы потрясать.

Есть, повидимому, и режиссер в этом театре. Кто-то поставил здесь «Есенина». Так вот этого человека надо упрекнуть в ряде грубых бо-
стактностей. Как можно, например, читать есенинские стихи, о «Собаке», в том же трагическом напыщенном тоне, как это делает чтеца, выступающая в спектакле? Подумайте только:

«Когда курсы обвивают шесток» — это произносится, как строфа из Радина!..